

РОСТ ЭКСТРЕМИЗМА И ФАКТОР «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПАРИТЕТА»

Гагик Арутюнян¹

Ключевые слова: экстремизм, мультиполярный мир, «холодная война», «мозговые центры», «умные технологии», управляемый хаос

Сегодня глобальная безопасность во многом зависит от развитий на Ближнем Востоке в контексте формирования Исламского государства. Вместе с тем *ИГ* является лишь верхушкой айсберга: ближневосточные процессы тесно связаны с тем, что происходит в Центральной и Юго-Восточной Азии, в континентальной «желтой, жаркой Африке». Однако обострение обстановки из-за действий радикальных сил сегодня происходит не только в этих регионах. По целому ряду показателей такой же логике подчиняются развития на Украине. Вовсе не случайно, что члены «Правого сектора» называют себя «христианскими талибами», не говоря уж о множестве фактов сотрудничества между украинскими и исламскими экстремистами из некоторых регионов РФ и стран СНГ. Потенциал экстремизма – пока несколько в латентной форме – накапливается и в странах *ЕС*. После долгого перерыва возобновились столкновения на расовой почве и в США. Складывается впечатление, что волна экстремизма накрывает все глобальное пространство, и есть все основания считать это явление важнейшим мировым социально-политическим трендом.

Часть аналитиков коррелирует происходящее с болезненным формированием мультиполярного мира, протекающим в жестком режиме «Холодной войны-2». Передел же сфер влияния сопровождается геополитическими сдвигами. Вместе с тем привязка происходящего только к геополитике тоже несколько проблематична.

¹ Исполнительный директор НОФ «Нораванк».

Проблемы «экспроприаторской системы»

Сегодня происходит своеобразный бунт против псевдоценностей, базирующихся на финансово-спекулятивной модели экономики, которая стимулирует и абсолютизирует потребительские инстинкты, в итоге формируя общество с канонами социал-дарвинизма. Естественно, что в таких обществах стремительно девальвируют демократические нормы, что позволяет определить современные западные общества как «постдемократические» [1]. Наиболее метко, пожалуй, охарактеризовал эту ситуацию академик Ал.Панарин, написавший, что «после победы Запада в холодной войне наметились симптомы вырождения западной цивилизации в новую экспроприаторскую систему глобального типа» [2].

Известно, что ряды *ИГ* и других экстремистских организаций пополняются и за счет подобного рода бунтарей как из христианской, так и из мусульманской среды. Протестное движение, организация которого немислима без современных информационно-коммуникационных систем, направлено также против этой самой системы, которая приобрела черты информационного тоталитаризма. Это проявляется как методичным «промыванием мозгов» (что иногда не совсем политкорректно называют «глобальным оболваниванием»), так и массовым прослушиванием всего и вся, по сравнению с которым пророчества гениального Джорджа Оруэлла выглядят довольно бледно. В таких условиях вовсе не удивительно появление «диссидентского движения», в чем-то напоминающего советское, когда отдельные смельчаки (Ассанж, Сноуден и др.) публикуют «хронику текущих событий» в тоталитарной системе. Для подавления протестного движения применяются самые разные и изощренные методы. Но процесс «уже пошел», и этот бунт, иногда очень даже гармонично, накладывается на глобальную военно-политическую обстановку, делая ее еще более сложной и непредсказуемой.

Проблема восприятия сложности

Не удивительно, что для характеристики современных реалий используются термины «турбулентность», «многомерность» или же «хаос». Между тем представляется, что во всем этом «безумии», согласно шекспировскому герою, скорее всего, присутствует и «некая система». Поэтому сегодня, как, пожалуй, никогда ранее, актуализирована проблема адекватного восприятия и осмысления

окружающих нас реалий. Исходя из этой аксиомы, попытаемся представить свое видение некоторых элементов механизма происходящего. При этом будем придерживаться того известного подхода, который предполагает, что, наряду с естественно-эволюционными процессами, нынешняя «сложность» в мире формируется отчасти и благодаря направляющим действиям центров силы. Именно из-за сложности происходящего излагаемые в дальнейшем некоторые рассуждения следует принимать как версии, но никак не конспирологические импровизации. Вместе с тем, уверен, что лишь подобного рода свободные обсуждения помогут привести к рациональным и прагматичным выводам, что, в свою очередь, поможет ответить на извечный вопрос «что же надо делать?».

Прецеденты политического экстремизма

В информационном пространстве можно встретить множество ссылок относительно связей спецслужб разных стран с террористическими формированиями, в том числе с «Аль-Каедой» и ИГ. Способ не новый: хорошо известно, что радикалы – это та brutальная сила, которую всегда стремятся держать под своим контролем и использовать в собственных целях правительства и специальные службы всех более или менее влиятельных государств. Вместе с тем рассматривать нынешнее повсеместное распространение экстремизма и его превращение в глобальный геополитический фактор лишь как отдельные операции спецслужб (несмотря на их важность) несколько затруднительно. Логика событий, как минимум косвенно, позволяет выдвинуть также версию об искусственном и продуманном распространении экстремизма или, по крайней мере, о влиянии или факторе подобного продуманного плана на происходящее.

Недавно отмечали годовщину Победы над гитлеровской Германией. Та война была также следствием роста экстремизма – фашизма и нацизма. Объективных предпосылок для зарождения идеологии фашизма в Германии было достаточно. Относительно же расизма дело обстоит несколько сложнее: известно, что этот феномен изначально зародился в англосаксонской среде. Дурной пример всегда заразителен, но, по утверждению ряда исследователей, экспорт и дальнейшее продвижение расистских идей в континентальную Европу происходили не совсем спонтанно. Поэтому и данный вопрос обсуждался и обсуждается в контексте роли британского сообщества в деле инициирования вой-

ны. Так или иначе, но про фашизм сегодня вспоминают лишь в историческом плане, между тем тезис о превосходстве отдельного этноса (в несколько иной модификации – и отдельной религии) над другими и сегодня весьма актуален. Смысловые вирусы собственной исключительности заложены в технологиях «цветных революций», и ими с энтузиазмом заражаются совершающие подобные революции общества. Свежий пример – Украина.

Поэтому есть основания предполагать, что сегодня распространение эпидемии экстремизма – это технологизированная возможность развязывания конфликтов в выгодной для «заражающих» редакции. Для этого иногда полезно даже «объявить» войну «экстремизму». Во всяком случае, о такой возможности свидетельствуют военно-политические развития последних лет.

«Умные технологии», «мозговые тресты» и «управляемый хаос»

На первом этапе операции проводились по традиционным канонам: Афганистан и Ирак были разбомблены, оккупированы и т.д. Потом в ход пошли более «умные технологии». Для реализации политики в Большом Ближнем Востоке США широко использовали разработки корпорации *RAND*. Внимание к продукции этого известного центра, особенно в контексте понимания «ближневосточных сложностей», просто необходимо: достаточно перечислить названия лишь некоторых трудов *RAND*-а: «Гражданский демократический ислам: партнёры, ресурсы и стратегии»¹, «Создание умеренной мусульманской сети»² и т.д. Очевидно, что приписывать успех «арабской весны» или «евромайдана» лишь революционным технологиям Джина Шарпа будет некоторым преувеличением: эти перевороты (кстати, классические примеры экстремизма) жидились на глубоких знаниях социально-политических и этно-религиозно-психологических характеристик конкретной страны и общества. Но это тоже еще не все: *RAND* и Шарп предоставляли знания и технологии, т.е. «тактическое оружие», но не политическую философию и идеологию, т.е. глобальную стратегию.

Еще недавно у всех аналитиков на устах были слова об «управляемом хаосе» на Ближнем Востоке. Некоторые эксперты справедливо связывали это явление с разработками **Института междисциплинарных исследований** или Инсти-

¹ Cheryl Benard, «Civil Democratic Islam. Partners, Resources, and Strategies», http://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1716.html.

² «Building Moderate Muslim Networks», <http://www.rand.org/pubs/monographs/MG574.html>.

тута критичной сложности в Санта-Фе. Сегодня к этому термину апеллируют в меньшей степени, что тоже, на наш взгляд, симптоматично, и к этому мы вернемся. Созданная под патронажем Пентагона и Госдепа, эта структура должна была адаптировать теорию хаоса для прикладных геополитических целей. Характерно, что одним из основателей института был лауреат Нобелевской премии, знаменитый физик Мюррей Гелл-Манн, а основой деятельности Института стали концепты другого Нобелевского лауреата – Ильи Пригожина о «хаосе и порядке» [3].

Возможно, на внедрение своих идей в реальную политику великие ученые смотрели как на увлекательную, к тому же хорошо оплачиваемую, умственную игру (что, в общем-то, свойственно физикам теоретикам). Труднее представить, что они, безгранично поверив в универсальность физических законов, посчитали, что эти законы будут «работать» и в непредсказуемой человеческой – общественной среде. Полагаем, что решающим фактором оказалось участие в этих разработках Збигнева Бжезинского и других спецов от дипломатии и спецслужб. Будучи по своему профессиональному определению менее одаренными, они могли бы, повинувшись своим геополитическим инстинктам, волевыми усилиями заставить все-таки скрестить политику с теоретической физикой. Если мир – шахматная доска, а геополитика подчиняется канонам этой игры (думать же всегда полезно), то почему нельзя на политическом поприще использовать и физику... Так или иначе, симбиоз произошел, и в политической аналитике появился расхожий термин «управляемый хаос», из которого, по замыслу его авторов, должен был возникнуть «новый порядок».

Ргоху-геноцид

На Ближнем Востоке было и есть множество объективных проблем военного, социально-экономического и религиозно-конфессионального характера [4]. Известно также, что реальная политика редко бывает особо гуманной. Вместе с тем представляется, что некоторые современные политические технологии, содержащие иногда не совсем корректные и механистические тезисы от «мозговых трестов», особенно дегуманизированы. Они иницируют и промотируют военно-политические и общественные процессы, которые приводят к массовой гибели людей и уничтожению цивилизационных ценностей. Эти технологии

по форме изложения весьма политкорректны и вроде не содержат элементов расизма или фашизма. Однако они привели к гуманитарной катастрофе, вполне сопоставимой с той, что имела место в эпоху Второй мировой. Правда, механизмы в данном случае намного более утонченные, войны ведутся чужими руками, другими словами – в режиме *проху*.

К примеру, на Ближнем Востоке происходит «геноцид в режиме бегущей строки»¹: число погибших достигает 2 млн., а беженцев перевалило за 15 млн. Геноцид сопровождается культуроцидом, на грани исчезновения оказались христианские (и в их числе армянские) общины региона. Все это, казалось бы, не имеет непосредственного отношения к тем, которые разрабатывали и применяли сомнительные концепции типа «управляемого хаоса». Невосприятие механизма «*проху*-геноцида» мировым сообществом связано с развитием техники профилактической информационной манипуляции: например, в Сирии все дело представляется как гражданская война «демократической оппозиции» против диктатора Асада. Для подавления же возможных протестов пресловутого мирового сообщества (чтобы избежать прецедента, имевшего место в годы Вьетнамской войны) применяются разные методы. Дело доходит до повсеместного распространения наркотических средств, что в принципе можно окрестить психологической войной против собственного общества². Не исключено, что на «оболванивание» направлена и фетишизация (особенно на фоне имеющихся проблем) идей «однополых браков» и тому подобных технологий управления массами. Между тем не вызывает сомнения, что геноцид на Ближнем Востоке должен быть расследован в формате международного трибунала как преступление против человечества. При этом вовсе не обязательно, чтобы это был именно Гаагский суд.

Цивилизационное измерение

Не менее драматичными оказались последствия информационного-психологического характера: само название *ИГ* внедрило в сознание глобального сообщества ассоциацию Ислама с терроризмом, что приводит к усилению межцивилизационного антагонизма в духе концепций Хантингтона.

¹ Гагик Арутюнян, Мультиполярные реалии, Ближний Восток и геноцид в режиме «бегущей строки», http://noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=12307&sphrase_id=47943.

² Гагик Арутюнян, Информационные операции: история и современность, http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=13489&sphrase_id=47952.

Но, наряду с этим, в контексте протекающих на Ближнем Востоке и в Восточной Европе процессов осложняются также отношения между народами, принадлежащими к общей этнокультурной среде. В частности, применяемые ныне в рамках концепции «мягкой силы» манипуляционные технологии позволяют деформировать «цивилизационные коды» даже тех сообществ, которых ранее принято было называть «духовно близкими». Между тем потеря собственных «цивилизационных координат» приводит к большим проблемам практически во всех сферах жизнедеятельности. В подобных обществах, как правило, развивается также нетерпимость, которая подчас перерастает в военно-политическую конфронтацию со «своими» же, как это происходит на Украине. В этом контексте следует выработать как концептуальные, так и организационные (по сетевому принципу) технологии, которые позволили бы восстановить идентичность и цивилизационную общность (а тем самым – необходимый для общего развития синергизм) искусственно разделяемых народов.

Политические последствия

Следует признать, что военно-интеллектуальные усилия дали весьма ощутимые результаты. Сегодня Евразия в значительной степени окружена поясом нестабильности (пресловутая «Анаконда»), а радикальные группировки, иногда небезуспешно, проявляют активность в России и Китае. К тому же, Россия и Иран втянуты в конфликты на Украине и в Йемене, попутно захваченные и продаваемые боевиками ИГ нефть и газ сбивают цены на углеводороды и т.д., и т.п.

Казалось бы, основные геостратегические задачи выполнены. Но далеко не полностью, так как в дело вмешались другие физические закономерности, намного более простые и действительно универсальные, а именно ньютоновский закон о том, что «действие рождает противодействие».

Россия и КНР, каждая по-своему, стали противодействовать американским планам и предпринимать необходимые меры. Иран, во многом благодаря своей уникальной общественно-политической системе, оказался стойким к всякого рода цветным революциям, и кошмар Ливии или Сирии там не повторился. Против революционной анархии восстали и в значительной мере восстановили прежний порядок египетские военные. В контексте «сопротивления» ряд государств стал координировать свои усилия в форматах ШОС,

БРИКС и ЕАЭС. Возможно, именно по этим причинам в информационном контенте наблюдается существенное снижение популярности термина «управляемый хаос»: ведь многое говорит о том, что «хаос» вышел из-под контроля, функционирует по собственным и непрогнозируемым законам, как, собственно, и подобает общественно-человеческому хаосу...

На этом фоне появились известные проблемы у самих Соединенных Штатов. В свое время Пол Кеннеди предостерегал, что «сумма глобальных интересов и обязательств США намного превосходит возможности защитить их одновременно», и определил это явление как «имперское перенапряжение». К тому же, это «перенапряжение» сопровождается также типичным «головокружением от успехов». Однако и в состоянии «перенапряжения» и «головокружения» американцы способны на многое, особенно с учетом того, что у них огромный перевес над своими конкурентами в научно-инновационной и военно-технологической сферах.

Неопределенность перспектив

Согласно заявлению начальника штаба сухопутных войск США, для ликвидации ИГ потребуется до десяти лет¹, между тем президент Обама ранее называл срок в три года. Вспомним, что в 2003г. для разгрома Иракской армии потребовались три недели. Примечательно, что относительно конфликта на Украине мало кто рискует называть какие-то сроки, но есть все симптомы того, что противостояние там принимает хронический характер.

Рост неопределенностей в новой Холодной войне обусловлен также тем, что мир стал многоцентричным. Сегодня, в отличие от прошлой подобной войны, в ней участвуют не только сразу несколько крупных геополитических акторов, но и ряд влиятельных коммерческих компаний и общественных организаций транснационального типа. У каждого из этих субъектов глобальной политики свои представления о будущем (большей частью – весьма смутные), которые естественным образом далеко не совпадают. По этим причинам выдвигать прогнозы или предлагать корректные сценарии будущего объективно

¹ США назвали сроки ликвидации «Исламского государства», <http://www.u-f.ru/News/u328/2015/06/12/716371>.

затруднительно. Обычно в таких случаях апеллируют к прогнозам *NIC*¹, но складывается впечатление, что факторы *ИГ*, Украины и глобальный рост экстремизма еще недостаточно учтены в разработках этой и подобного рода других организации.

Но вместе с тем, если попытаться экстраполировать современные реалии в перспективу, то основной тренд, как это мы уже отметили, это рост экстремизма. Этот процесс усилится и на европейском континенте по двум параллельным механизмам. Во-первых, это «эффект бумеранга»: потоки недовольных беженцев от «хаоса» являются питательной средой для террористических организаций, уж не говоря о специально внедренных в ряды беженцев эмиссаров *ИГ*. Во-вторых, протест зреет и у этнических европейцев, для которых актуализируется проблема выживания как вида. В этом контексте обоснованными прогнозами можно считать и интуитивные пророчества в художественной форме [5].

Некоторые выводы

Изложенные выше возможные тренды не противоречат ранее высказанным прогнозам, согласно которым мир трансформируется, усиливается интеграция вокруг новых центров влияния, параллельно которой будет происходить фрагментация глобального пространства по цивилизационным и иным признакам. По некоторым сценариям, США стремительно теряют монопольные позиции, по другим же, возможно, *Pax Americana* сохранится.

Между тем реализуемость подобных сценариев зависит не только и даже не столько от экономических и военных показателей, сколько от того, сумеют ли Россия, Китай и другие страны конкурировать со сверхдержавой в сфере «умных политических, гуманитарных и организационных технологий»². В этом контексте ситуация сравнима с тем периодом середины прошлого века, когда ведущие державы не могли считаться таковыми, если не обладали ядерным оружием. Данное обстоятельство, в частности, довольно остро воспринимается в КНР, где Госсовет принял решение о создании целого ряда «мозговых тре-

¹ National Intelligence Council, Global Trends,

<http://www.dni.gov/index.php/about/organization/national-intelligence-council-global-trends>.

² См., например, *Гагик Арутюнян*, Прогнозирование и формирование будущего, 21-й Век, #3(19), с.5, 2011, *Гагик Арутюнян*, История, информационные войны и интеллектуальный паритет,

http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=13442.

стов». Перед ними поставлена задача, «чтобы некоторые из них добились глобального влияния» [6].

Представляется, что полноценный мультиполярный миропорядок возможен лишь при формировании «интеллектуального паритета» между ведущими странами, с выработкой соответствующих механизмов «сдерживания “умных технологий”».

Июль, 2015г.

Источники и литература

1. *Колин Крауч*, Постдемократия. – М.: Изд-во Государственного университета-Высшая школа экономики, 2010.
2. *Александр Панарин*, Народ без элиты: между отчаянием и надеждой. «Наш современник», №11, 2001.
3. *Пригожин И., Стенгерс И.*, Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
4. *Гагик Арутюнян*, О некоторых вопросах стратегии США в контексте Иракской проблемы, 21-й век, #3(5), с. 105, 2004 (на армянском языке).
5. *Елена Чудинова*, Мечеть Парижской Богородицы. – М.: Изд-во: Яуза, Эксмо, Лепта-Пресс, 2005.
6. О развитии «мозговых центров» в КНР, Зарубежное военное обозрение, #4, с. 92, 2015.

ԾԱՅՐԱՀԵՂԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԱՃԸ ԵՎ «ՄՏԱՎՈՐ ՀԱՎԱՍԱՐՈՒԹՅԱՆ» ԳՈՐԾՈՆԸ

Գազիկ Հարությունյան

Ամփոփագիր

Ծայրահեղականության նկատվող աճը պայմանավորված է ոչ միայն բազմաթիվ աշխարհի ձևավորման ցավագին գործընթացով և բողոքի շարժման ակտիվացմամբ, այլև «խելացի տեխնոլոգիաներ» արտադրող ամերիկյան «ուղեղային կենտրոնների» գործունեությամբ, որն ուղղված է աշխարհաքաղաքական մրցակիցների դեմ: Նման տեխնոլոգիաներին արդյունավետ հակազդեցությունն այլ պետությունների կողմից հնարավոր է համապատասխան հումանիտար տեխնոլոգիաների ոլորտում նրանց «մտավոր հավասարություն» ձեռք բերելուց հետո միայն:

**РОСТ ЭКСТРЕМИЗМА
И ФАКТОР «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПАРИТЕТА»**

Гагик Арутюнян

Резюме

Наблюдаемый рост экстремизма обусловлен не только болезненным процессом формирования мультиполярного мира и ростом протестного движения, но и деятельностью генерирующих «умные технологии» американских «мозговых центров», направленной против геополитических конкурентов. Эффективное противодействие подобным технологиям со стороны других государств возможно лишь после достижения ими «интеллектуального паритета» в сфере соответствующих гуманитарных технологий.

**THE GROWTH OF EXTREMISM
AND THE FACTOR OF “INTELLECTUAL PARITY”**

Gagik Harutyunyan

Resume

The growth of extremism observed currently is caused not only by painful process of multi-polar world formation and protest movement rise, but also by activities of American think tanks that generate “smart technologies.” Effective counteraction to such technologies by other countries is possible only when they achieve an “intellectual parity” in the area of relevant humanitarian technologies.